

А.В.Ганин*

**«Мы ещё на несколько шагов
приблизились к бездне...». Генштабисты
между корниловским выступлением
и октябрьским переворотом 1917 года**

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов из России и США рассмотрено положение представителей отечественной военной элиты, корпуса офицеров Генерального штаба, накануне Гражданской войны — в период между корниловским выступлением и большевистским переворотом 1917 г.

Провал корниловского выступления, близкого устремлениям немалой части военной элиты как силового варианта выведения страны из затяжного общественно-политического кризиса, вызвал растерянность и разочарование генералитета и генштабистов. Офицерский корпус раскололся на корниловцев и «демократическое офицерство». Выступление генерала Л.Г.Корнилова (фото 1) со стороны могло восприниматься как попытка Генерального штаба взять власть в свои руки [1], сыграть более значимую роль в спасении страны. Один из работников Главного управления Генерального штаба в своих воспоминаниях отметил: «Наблюдая офицеров Генштаба в этом (корниловском. — А.Г.) движении, я перестал верить в Россию» [2].

По авторитету генштабистов в обществе самым фактом провала выступления был нанесен серьезный удар. Участники движения оказались выставлены контрреволюционерами и реставраторами, даже обвинялись в открытии фронта немцам [3]. Положение левых организаций окрепло. В радикальной декларации исполкома петергофского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 августа 1917 г. Генеральный штаб был изображён в качестве виновника движения Корнилова и содержался призыв к немедленной замене офицеров-генштабистов на всех постах [4, с. 532—533]. К декларации присоединились революционные организации Петрограда, Кронштадта и других центров [Там же, с. 633].

С другой стороны, без выступления Корнилова едва ли столь четко выделилась бы и сплотилась группа будущих лидеров Белого движения на Юге России. Корнилов и его сторонники были смещены со своих

* **Ганин Андрей Владиславович** — кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина», старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, руководитель проекта «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.» (11-31-00350a2).

постов и арестованы. За поддержку корниловского выступления в сентябре 1917 г. был распущен Союз офицеров армии и флота, члены Главного комитета по требованию министра-председателя Временного правительства А.Ф.Керенского арестованы, а отделения Союза на местах упразднены. В заключении в Быхове (неподалеку от Ставки в Могилёве) оказались генштабисты: генералы Л.Г.Корнилов, А.С.Лукомский, И.П.Романовский, А.И.Деникин, Е.Ф.Эльснер, И.Г.Эрдели, Г.М.Ванновский, С.Л.Марков, М.И.Орлов, В.Н.Кисляков, подполковники В.М.Пронин и И.Г.Соотс, капитаны В.Е.Роженко и С.Н.Ряснянский. Почти все они в дальнейшем вошли в руководство Белого движения на Юге России. Отдельно содержались и вскоре были отпущены генералы И.В.Павский, В.И.Селивачев и Д.Д.Сергиевский. Быховские узники были товарищами по прежней службе, единомышленниками и будущими соратниками по борьбе. Совместное пребывание под арестом оказало на них большое влияние, создав настроенный против недееспособного Временного правительства, готовый к самостоятельным действиям сплочённый костяк руководителей антибольшевистского сопротивления.

Активные представители Генштаба всё сильнее ощущали свою ответственность за судьбу страны и армии, не видя здоровых сил ни во Временном правительстве, ни в стремившихся к захвату власти большевиках. Неудача выступления Корнилова, с одной стороны, лишила офицерство политически активных и сколько-нибудь известных лидеров, оказавшихся отстранёнными от военного управления, а с другой — толкнула отдельных представителей высшего командного состава на путь самостоятельных действий в военно-политической сфере, в том числе в области подготовки будущих вооружённых формирований. Фактически это привело к зарождению Белого движения. Как вспоминал Генштаба полковник Б.А.Энгельгардт, «урок неудачи корниловского наступления не прошёл даром для вожakov контрреволюции. Они поняли, что для успеха их дела нужна база посolidнее нескольких офицерских союзов и конспиративной организации промышленных дельцов среднего масштаба вроде Республиканского центра» [5]. Разумеется, сторонники Корнилова не могли довольствоваться итогом его выступления.

Фото 1. Л.Г.Корнилов

30 августа 1917 г. генерал М.В.Алексеев (фото 2) дал согласие занять пост начальника штаба Ставки. Своё назначение он считал необходимым сопроводить рядом условий, среди которых было осуждение корниловцев по суду, осуществление ряда мер Корнилова, установление полной оперативной свободы военачальников, освобождение от преследований младшего командного состава. Алексеев арестовал Корнилова, но ему удалось максимально облегчить положение арестованных корниловцев. Выступление Корнилова Алексеев считал протестом против безвластия и тяжёлого положения армии [6]. Сам Корнилов был склонен верить нелепым слухам об участии генерала М.В.Алексеева в подготовке обороны Петрограда от корпуса генерала А.М.Крымова, и заявлял, что никогда не забудет этого [7, с. 57]. Разумеется, дальнейшая совместная работа двух генералов по организации антибольшевистской борьбы была сопряжена с огромными межличностными противоречиями.

Фото 2. М.В.Алексеев

Фото 3. А.И.Верховский

Генштабисты отреагировали на выступление Корнилова по-разному. Корпорация раскололась. Командующий войсками Московского военного округа полковник А.И.Верховский (фото 3), сторонник социалистических взглядов, активно противостоял корниловцам и выступал за их аресты. 30 августа за поддержку Временного правительства он был назначен министром-председателем А.Ф.Керенским на пост военного министра. На новой должности он стремился сохранить армию и поддерживал замену старых офицеров, особенно связанных с выступлением Корнилова, на руководящих постах молодыми выдвиженцами. Впрочем, активных сторонников Керенского в военной элите было сравнительно немного. Верховский с горечью писал 29 августа 1917 г. в дневнике о последствиях дела Корнилова: «Как примирить те две силы, союз которых был необходим для поддержания боеспособности армии. Но выхода этого не было. События зашли слишком далеко. Единственное, о чём можно было мечтать... это предотвратить гражданскую войну, предотвратить убийство офицеров» [8]. По его мнению, доверие солдат к офицерам теперь восстановить было невозможно.

После неудачи корниловского выступления разложение и развал русской армии лишь прогрессировали, положение офицерства ухудшилось, а в армии начало возрастать влияние большевиков. Генерал В.Г.Болдырев

в связи со стремлением солдат оставить Двинск противнику без сопротивления записал в дневнике 17 сентября 1917 г.: «Тяжёлое время!» [9]. Генерал И.П.Романовский 5 сентября 1917 г. писал супруге: «Я всё думаю, неужели мы заслужили эту ненависть. Ведь вот, видит Бог, я всегда любил солдата, да и разве я один; все те, которые сейчас заключены: Деникин, Марков, Плющевский — разве тоже не были привязаны душой к нему? Неужели такая глубокая пропасть между нами и ими? Ведь при этих условиях нет спасения России: они, может быть, и здоровая, но тёмная масса, не могут вести государство без интеллигенции, но ведь и интеллигенция не может идти, не опираясь на народ. Тяжело это всё...» [10].

По воспоминаниям Генштаба полковника И.Ф.Патронова, после неудачи выступления Корнилова офицеры не могли нормально работать: «Штабная машина работает по-прежнему. Всё так же пишутся приказы, сводки, срочные донесения. Пришлось мне составить новый план действий на случай немецкого наступления с обозначением новых рубежей, с новой перегруппировкой войск в том или другом случае. Работа серьёзная, прямая специальность Генерального штаба. Ныне невозможно заставить себя отнестись к ней серьёзно. Все сознают, что работа штаба напоминает работу мотора на холостом ходу. Всё останется на бумаге и не будет исполнено» [11].

Подполковник К.З.Ахаткин свидетельствовал о том, что в июле—августе 1917 г. «интерес к войне пропал, и люди более или менее добросовестно исполняли номер» [12]. По свидетельству генерала П.Н.Врангеля, в сентябре 1917 г. ему «с каждым днём становилось яснее, что ежедневно увеличивающийся в армии развал уже остановить нельзя» [13]. Генерал П.Н.Шатилов, один из лидеров Белого движения, вспоминал, что с ликвидацией выступления Корнилова «последняя надежда на укрепление фронта рухнула» [14].

Иное отношение продемонстрировал генерал Л.Н.Болховитинов, позднее попавший в Красную армию. В письме жене 3 сентября 1917 г. он писал: «Кажется, корниловской авантюре положен конец, но какую ценою? Я нахожусь в стороне от всяких больших артерий, сразу принял меры, и мне удалось сохранить полный порядок... Начальником штаба Верховного главнокомандующего назначен М.В.Алексеев, а это уже большая гарантия, что мы выкрутимся из грязной истории» [15].

В письме от 5 сентября генерал отмечал: «За эти страшные дни, подобных которым не переживала Россия, мы ещё на несколько шагов приблизились к бездне, готовой поглотить нашу родину. Нельзя успокоиться на чисто механической ликвидации конфликта — сдаче Корнилова и перспективе суда.

Самые страшные слова уже потеряли свою силу и всякое значение, а в решительных и твёрдых действиях сильной спасающей власти, не знающей

сомнений и колебаний, идущей уверенным шагом к своей цели; иначе могут осуществиться самые ужасные возможности!» [16].

Почти дословно эта оценка совпадает с высказыванием служившего в Ставке Генштаба подполковника Д.Н. Тихобразова: «Всеми чувствовалось, что страна быстрее прежнего катится к пропасти» [17].

В письме от 15 сентября 1917 г. А.М. Болховитинов отметил: «Корнилов своим выступлением бесконечно затруднил и без того бесконечно тяжёлое положение. Только было начали заполнять пропасть между солдатами и командным составом, теперь вновь наблюдаем “углубление” ещё горшее недоверия и неприязни. Затем, идёт “чистка” [командного] состава, по мотивам, мало понятным. Вчера совершенно неожиданно был смещён Данилов, человек большого опыта, весьма рассудительный и весьма сведущий. Он работал рука об руку и с комиссарами и с комитетами, в армии был хороший порядок. Правда, во время корниловщины он послал Керенскому телеграмму, в которой высказал мысль о крайней желательности ликвидировать эту ужасную историю путём компромисса, не вызывая братоубийственной гражданской войны... действия Данилова были глубоко лояльны... Мы сохранили полный порядок, у нас не было эксцессов, а это чего-нибудь да стоит. Ушёл также один из “комкоров”, надо полагать, что и наш черед не за горами» [18].

Генерал не мог утнаться за стремительным развитием событий, что нашло отражение в его переписке. «Теперь бывают такие положения, когда за одни сутки переживаем столько, сколько не переживалось и за несколько лет... Все предоставлено случайности и отдельным моментам причудливо развивающихся трагических событий» [19].

Генерал А.П. Будберг, размышляя о выступлении Корнилова, писал: «Мы, строевые начальники Северного фронта, были правы, считая это выступление совершенно безнадежным и несвоевременным; его надо было делать или ранее июньских авантюр (имеется в виду «наступление Керенского». — А.Г.), или же попозднее, когда массы познают, что такое большевизм» [20, с. 258]. По мнению генерала А.И. Деникина, победа Керенского стала прелюдией большевизма [7, с. 79].

31 августа 1917 г. командующий 7-й армией генерал-лейтенант В.И. Селивачев подводя итог состоянию войск, записал в дневнике: «Великое дело спасения армии попадает в руки полнейших невежд. Бедная, бедная родная армия — из этой — из этой могучей, страшной врагам силы, ты превратилась в толпу разнузданных хулиганов, шкурников... Лично я не вижу просвета и глубоко убежден в полном развале армии» [21].

К осени 1917 г. верховная власть в стране утратила практически всякий авторитет и поддержку армии. В глазах значительной части военной элиты

министр-председатель и верховный главнокомандующий А.Ф.Керенский был дискредитирован. По мнению генерала А.П.Будберга, он или сумасшедший, или концентрированный идиот [20, с. 228].

Аналогичным образом воспринимались и набравшие силу большевики. 25 октября 1917 г. Будберг записал в дневнике: «Но что же грядёт в будущем? Ведь по тому, что мы видим сейчас в поведении большевистских вожakov, России суждено обратиться в звериное царство и быть таковым, пока кулаки испуганных союзников не водворят в ней порядка» [Там же, с. 229]. При этом Будберг опасался, что разложение может перекинуться и на союзников.

М.В.Алексеев пробыл на посту начальника штаба Ставки до 10 сентября 1917 г. и оставил должность, подав в отставку. Его сменил Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н.Духонин при генерал-квартирмейстере генерале М.К.Дитерихсе. Обновлённая Ставка занялась разработкой коренной реорганизации армии. Духонин помогал арестованным корниловцам и разработал программу по поднятию боеспособности армии путём сокращения её численности и увольнения в запас молодёжи. Генерал Алексеев, осознававший скорую необходимость возобновления борьбы за страну и армию, создал так называемую Алексеевскую организацию — подпольное офицерское объединение, ставшее впоследствии основой Добровольческой армии.

Во главе военного министерства находился генерал А.И.Верховский, придерживавшийся идеи заключения мира с немцами и выступавший за реорганизацию армии. Подобные взгляды шокировали его коллег. Вот что писал сослуживец Верховского донской офицер-генштабист И.А.Поляков: «Не верилось, что всё это исходит от А.Верховского, который в течение более года был среди нас в штабе IX армии, обращая на себя внимание большой трудоспособностью и скромностью. Работая с ним долгое время в оперативном отделении штаба армии, проводя вместе целые дни, будучи, наконец, в добрых и приятельских с ним отношениях, я никогда не замечал, чтобы он был одержим болезнью социализма, да ещё в такой острой форме, как то выявилось в начале революции и в конечном результате увенчалось его службой у большевиков. Я знал, что в молодые годы его жизни с ним произошёл случай, показавший его неуравновешенность и ложное понимание воинского долга [22], но затем вся его дальнейшая служба давно искупила этот грех молодости и, казалось, навсегда изгладила его из памяти, не говоря уже и о суровом наказании, понесённом им. Трудно было объяснить и понять, как мог блестящий офицер Генерального штаба, кавалер двух георгиевских крестов — солдатского и офицерского, (первый — в русско-японскую войну, второй — в Великую), а также и золотого оружия, отлично воспитанный, хорошо владевший иностранными языками, человек большой работоспособности,

в жизни очень скромный и застенчивый, вдруг сразу стать не только на ложный, но и преступный путь перед своей родиной» [23, с. 45—46].

Впрочем, даже в среде офицеров Генерального штаба имелись сторонники заключения мира, понимавшие абсурдность и гибельность продолжения войны силами развалившейся армии. Генерал А.П.Будберг в своём дневнике прямо написал: «С точки зрения верности слову предложение, конечно, коварное, ну, а с точки зрения эгоистических интересов России быть может единственное, дающее надежду на спасительный исход» [20, с. 226]. Ему вторил генерал В.А.Замбржицкий, по мнению которого на сентябрь 1917 г. немедленный мир был единственным спасением для страны, но старая власть, в том числе военная, не имела мужества признать данный факт [24]. Однако подобное мужество имели большевики. И, как можно понять из приведённых выше свидетельств и позиции самого Верховского, вопрос о сепаратном мире, по крайней мере, у некоторой части старой военной элиты неприятия не вызывал.

Особую роль осенью 1917 г. играла Ставка, активно содействовавшая организации борьбы с большевизмом. Генерал-квартирмейстер Ставки генерал М.К.Дитерихс в письме генералу М.В.Алексееву от 20 сентября 1917 г. прямо писал: «Крупными, неудержимыми шагами мы идём к страшной национальной катастрофе. Порой мне кажется, что вся моя оперативная работа для данного времени есть кукольная комедия, стремящаяся позабавить и надуть кого-то также и, прежде всего, самого себя» [25]. Дитерихс к середине октября 1917 г. разработал и попытался реализовать программу создания в тылу к весне 1918 г. морально здоровой территориальной армии в 400 000 штыков [там же]. Разумеется, в условиях развала претворить намеченное в жизнь не удалось.

Можно согласиться с тем, что большевистский переворот стал первым крупным военно-политическим событием 1917 г., прошедшим, в отличие от Февральской революции и выступления Корнилова, без участия генштабистов [26]. Захвату власти большевиками первоначально большого значения генштабисты не придавали, считая, что новая власть долго не продержится. Переворот был воспринят офицерами Генерального штаба неоднозначно, но, в основном, негативно — как новый шаг к окончательной гибели армии и страны, погружавшейся в хаос. Некоторые просто не придали этому событию большого значения, считая, что новая власть долго не продержится. Отдельные офицеры, наоборот, одобряли переворот, поскольку, наконец, было свергнуто ненавистное Временное правительство. Как видим, отношение ко многим принципиально важным для страны вопросам — заключению мира, организации власти и борьбы за неё — разделило генштабистов. В дальнейшем раскол только углублялся.

Генштаба подполковник К.К.Акинтьевский ёмко охарактеризовал взгляды генштабистов в те дни: «В высших военных кругах, так или иначе возглавляемых Алексеевым, никакого единства и никаких определённых планов, несмотря на давно ожидаемый большевистский переворот, не было. По-прежнему вожди носились с идиотской формулой защиты Отечества в союзе с союзничками, по-прежнему не решались признать, что конец войны неизбежен и из-за этих основных положений не решались спасать офицерство из лап солдат и организовывать гражданский фронт против большевиков. Корниловский переворот погрузил вождей в прострацию, и они заблудились в трёх соснах: Отечестве, рабьем страхе и собственных интересах... Геройская смерть Духонина, Крымова, Скалона и др. — это их личное дело, делавшее им честь, но бездействие Ставки и высшего командования в сентябрьские и октябрьские дни, когда сомнения в провале “улыбающегося февраля” не могло быть никакого, и приход к власти большевиков был неминуем, — это величайшее преступление против России, подобное февральскому предательству своего Царя» [27].

К октябрю 1917 г. у деятелей большевистской партии было своё отношение к Генеральному штабу, порой связанное с их личным революционным опытом. Так, Генштаба генерал-лейтенант Н.М.Потапов (фото 4) вспоминал состоявшуюся после июльских событий 1917 г. беседу со своим другом — видным большевиком М.С.Кедровым, который заявил: «Вскоре

Фото 4. Н.М.Потапов

мы, большевики, выступим против Керенского и первое, что мы сделаем, — это вдребезги разобьём ваш Генеральный штаб» [28, с. 62]. Причина была в том, что контрразведка, которой занимались генштабисты, осуществляла политический сыск. Однако контакты Потапова с Кедровым и Н.И.Подвойским привели к тому, что «октябрьские дни протекали совершенно безболезненно не только для Генерального штаба, но и для других центральных управлений и учреждений» [там же, с. 63]. Большевики стремились заручиться поддержкой генералитета, а Н.М.Потапов и М.Д.Бонч-Бруевич оказались в числе первых красных генералов.

Развал армии в 1917 г. не мог не затронуть офицеров Генерального штаба, которым, как и остальной массе офицеров, пришлось претерпеть немалые унижения и страдания. Генштаба генерал-майор И.А.Поляков вспоминал о деятельности армейского комитета 9-й армии Румынского фронта: «Это детище революции, созданное с очевидной целью подорвать престиж офицерского состава и тем ускорить развал армии, косо смотрело на нас, расценивая офицеров штаба вообще, а особенно офицеров Генерального штаба, как определённых и закоренелых контрреволюционеров» [23, с. 29]. После корниловского выступления этот взгляд был во многом оправдан, поскольку значительная часть генштабистов не принимала ни большевистский режим, ни власть Временного правительства.

Некоторые офицеры считали за благо, если бы большевики и сторонники Керенского истребили друг друга. Любопытное свидетельство об этом оставил начальник штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии Генштаба полковник Б.А.Штейфон, дивизия которого была направлена на Петроград для подавления большевистского выступления. Штейфон вспоминал: «И начальник дивизии, и я, и вообще старший командный состав пережили глубокую моральную драму. Большевики представлялись нам злом абсолютным. И борьба с ними отвечала всем нашим желаниям. В то же время, в случае успеха, мы укрепляли положение Керенского, чья деятельность во главе правительства воспринималась нами, как бесконечно вредная интересам национальной России и армии. В доверительных беседах с моим начальником дивизии доблестным и высоко благородным генералом Габаевым было решено, что в случае успешного подавления большевистского восстания в Петербурге (так в документе. — А.Г.), мы арестуем Керенского и его безвольное, бездарное правительство. Лично нам — ген. Габаеву и мне не приходило в голову претендовать на какую-либо политическую роль. Мы были только солдаты и всей душою стремились закончить войну победно» [29]. В итоге миссия дивизии не увенчалась успехом — дивизия была задержана под Петроградом и подверглась разложению. Штейфон уехал на Украину, где принял участие в организации офицерского антибольшевистского подполья в Харькове.

В целом же период августа—октября 1917 г. оказался временем ожиданий и колоссального брожения в умах представителей военной элиты. Если Февральская революция 1917 г. можно сказать не вызвала раскола офицерской корпорации, хотя повлекла за собой выход солдатских масс из подчинения офицерам и серьёзную дестабилизацию обстановки, то раскол офицерского корпуса произошёл в августе—сентябре 1917 г. в связи с выступлением генерала Л.Г.Корнилова. Среди генштабистов оказались те, кто активно поддержал Корнилова, те, кто сочувствовал ему,

но не решался выступать активно, те, кто считал его выступление вредным, и даже те, кто, сотрудничая с Временным правительством, активно противостояли выступлению Корнилова. Октябрьский переворот и последовавшие события только усугубили этот раскол. Колоссальную роль в деле кристаллизации сторон будущей Гражданской войны сыграло разложение армии, неподчинение солдат приказам, засилье комитетов и митингов, появление во главе соединений младших офицеров или даже нижних чинов. Часть офицерства, возмущённая этими явлениями, уволилась из армии, а часть пошла по пути вооружённого сопротивления развалу. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. сделал раскол офицерства необратимым. Разложившаяся армия и охваченная хаосом страна неумолимо скатывались к полномасштабной Гражданской войне.

Литература

1. Об участии генштабистов в корниловском движении см.: Wildman A. Officers of the General Staff and the Kornilov movement // *Revolution in Russia: Reassessments of 1917*. Cambridge, 1992. P. 76–101.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 101.
3. Никитин Б.В. Роковые годы (новые показания участника). М., 2007. С. 248.
4. Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959.
5. Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 8. Рига, 2004. С. 154.
6. Алексеев М.В. Записная книжка 1917–1918 гг. // *Записки отдела рукописей*. Вып. 53. М., 2008. С. 365.
7. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 2. Т. 2: Борьба генерала Корнилова август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 2003.
8. Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.). Пг., 1918. с. 111.
9. Из дневника ген. В.Г.Болдырева // *Красный архив* (М.; Л.). 1927. Т. 4 (23). С. 269.
10. Столыпин А.А. Дневники 1919–1920 годов; Романовский И.П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 207–208.
11. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 8.
12. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 235. Л. 42об.
13. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Ч. 1. С. 75.
14. Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Vrangeli family papers. Box 7. Folder 1. Шатилов П.Н. Воспоминания. с. 584.
15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 127.

16. Там же. Л. 129.
17. Бахметевский архив Колумбийского университета (BAR). Tikhobrazov papers. Box 3. Тихобразов Д.Н. Воспоминания. Глава X. В Ставке после революции. Л. 116.
18. РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 145—145об.
19. Там же. Л. 146—146об.
20. Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. Берлин, 1923. С. 258.
21. РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 22.
22. В 1905 г. А.И.Верховский был исключен из Пажеского корпуса за политические разговоры с вольнонаёмными вестовыми манежа корпуса и отправлен унтер-офицером в Маньчжурию. За боевые отличия в русско-японской войне произведён в офицеры (Энгельгардт Б.А. Потонувший мир. Воспоминания о далёком прошлом. Рига, 1950—1962 (Рукопись). Л. 124 // Архив А.А.Энгельгардта (Рига)).
23. Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917—1919. М., 2007.
24. ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 4. Л. 76.
25. «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / Публ. Л.Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 10.
26. Mayzel M. Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabruck, 1979. P. 173.
27. BAR. К.К. Akintievskii papers. Box 1.
28. Потапов Н.М. Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. с. 62.
29. ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 4—5.